

УДК 811.512.122

DOI: 10.26140/bg23-2019-0803-0075

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВОКАЛИЗМА КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНЕНИИ С РУССКОЙ

© 2019

Куталмыш София Леонидовна, соискатель на получение степени
кандидат филологических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

(199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11, e-mail: sofya.sorokina@gmail.com)

Аннотация. Идея построения фонологических моделей в языкознании нова. Первый опыт создания подобного рода моделей принадлежит И.А. Бодуэну де Куртенэ. Важных результатов в данной области достигли Н.С. Трубецкой, В. Скаличка и другие исследователи. Однако работы этих и ряда других авторов являются лишь началом на пути постижения фонологических языковых систем. Фонология, основы которой заложили И.А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр, это область языкознания, которая в наши дни только развивается и которая будет нуждаться в пристальном внимании исследователей не только современного, но и будущих поколений. В сферу фонологического знания входят различного рода языковые модели, а также законы, по которым они действуют в языке и проявляют себя в речи. В данной работе предпринята попытка построения фонологической модели вокализма казахского языка в результате анализа морфем, а именно чередующихся реализаций фонем в морфемах (принцип, признанный Петербургской и Московской фонологическими школами), а также выведения фонологической модели вокализма русского языка на основе имеющихся данных о его фонологической системе. В начале исследования предполагалось, что фонологические модели вокализма грамматически разных языков должны иметь существенные различия. Сравнение же полученных результатов свидетельствует о значительной схожести моделей гласных фонем русского и казахского языков, несмотря на их грамматическую разобщенность. Каждая из полученных моделей состоит из элементов (фонем), связанных между собой коррелятивными признаками, которые, в большей степени, повторяют друг друга в той и другой модели. При этом сходство двух моделей не ограничивается лишь повторяющимся расположением подобных коррелятивных признаков, зачастую схожие признаки вызывают подобные фонемы, что может свидетельствовать о единых принципах построения фонологических моделей вокализма в языках мира. Полученные результаты могут быть полезны при проведении исследований развития и становления русского и казахского языков, особенно в области их взаимовлияния друг на друга, а также при разработке лекционных курсов по фонологической типологии и тюркологии.

Ключевые слова: фонология, вокализм, фонема, казахский язык, русский язык, фонологическая модель

PHONOLOGICAL MODEL OF KAZAKH VOCALISM IN COMPARISON WITH RUSSIAN ONE

© 2019

Kutalmysh Sofia Leonidovna, post-graduate student

St. Petersburg State University

(199034, Russia, St. Petersburg, Universitetskaya amb., Build. 11, Office 20)

Abstract. The idea of making phonological models is new in linguistics. It is J. Baudouin de Courtenay who had the first experience of making such type of models. N.S. Trubetskoy, V. Skalička and other researchers also achieved important results in this sphere. However, studies of these and other researchers are only the first step on the way of exploring phonological systems of languages. Phonology foundations of which were established by J. Baudouin de Courtenay and F. de Saussure is a branch of linguistics developing nowadays; it requires intently attention of researchers of not only modern but also future generations. The sphere of phonological knowledge includes different types of language models and principles by which they act in language and exhibit in speech. In this study it is made an attempt to make the phonological model of Kazakh vocalism by analysing morphemes or more exactly interlacing implementations of phonemes in morphemes (the principle which is approved by the St. Petersburg and Moscow linguistic schools) and to create the phonological model of Russian vocalism on the basis of existing data of the phonological system of Russian language. At the beginning of the study phonological models of vocalism of languages being different grammatically were supposed to be different too. However, comparison of received data indicates the existence of significant similarity between the models of vowel phonemes in Kazakh and Russian languages in spite of their differences in grammar. Each of made models consists of elements (phonemes) bonded by correlative marks which mainly repeat themselves in the models. Nevertheless similarity of the models is not bounded by repetitive similar correlative marks, similar marks connect similar phonemes; this fact seems to indicate similar principles of phonological models of vocalism of different languages in the world. Received results seem to be useful for researches of development of Russian and Kazakh languages particularly in the sphere of the existing influence of one to another and for lectures in phonological typology.

Keywords: phonology, vocalism, phoneme, Kazakh language, Russian language, phonologic model

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными и практическими задачами. Знания о фонологической системе того или иного языка несут динамический характер и постоянно развиваются. Это справедливо и для сферы русского языка, состав вокализма и консонантизма которого изучается с середины XIX в. и продолжает уточняться в наши дни. Данная статья посвящена анализу вокалических систем казахского и русского языков. Исследование конкретных явлений в типологии является источником более точных данных о языках. Более того, на основе данных типологических языковых исследований зачастую выстраиваются гипотезы об историческом развитии языков и народов. Результаты данного исследования могут использоваться при изучении развития и становления русского и казахского языков, особенно в области их взаимовлияния

друг на друга, а также при разработке лекционных курсов по фонологической типологии и тюркологии.

Над вопросами фонологической системы русского языка в разные годы работали такие видные исследователи, как Л.В. Щерба [1], Н.С. Трубецкой [2], А.А. Реформатский [3], М.В. Панов [4], В.А. Виноградов [5], Е.Л. Григорьян [6], М.Б. Попов [7] и другие. Другое дело, что на момент исследования те или иные вопросы зачастую рассматривались исследователями, как фонетические [8]. Как отмечает В.Г. Гузев: «Начавшийся в трудах И.А. Бодуэна де Куртенэ и затем Ф. де Соссюра прогрессивный процесс разграничения понятий «язык» (языковая система) и «речь» еще далек от завершения как в теоретическом, так и в терминологическом аспектах» [9, С. 41]. Именно это обстоятельство приводило и продолжает приводить исследователей к смешению фо-

нологических понятий и представлений.

Особенно это характерно для сферы казахского языкознания. Вопросы о составе фонологической системы казахского языка и реализаций казахских фонем в речи начали изучаться уже в XIX в. Решение вопросов такого толка получило отражение в работах Н.И. Ильминского [10], П.М. Мелиоранского [11], В.В. Катаринского [12], С.К. Кенесбаева [13], А. Джунибекова [14] и других исследователей. И хотя терминология в данных исследованиях зачастую применялась с точки зрения фонетики, благодаря достижениям современной научной мысли, мы можем интерпретировать данные, полученные указанными исследователями, с точки зрения фонологии. Вместе с тем, фонетические данные имеют основополагающее значение для определения внутрисистемных фонологических связей в том или ином языке, поскольку, как верно отмечает Попов, «само существование артикуляторного и акустического аспектов имеет смысл только при учете фонологического и при опоре на него, поскольку само понятие «отдельного звука речи», в отношении которого производится артикуляционно-акустическое исследование, может быть выведено лишь на основе теории фонемы; в физической реальности «отдельного звука речи» не существует» [7, С. 11].

Целью данной работы является приведение имеющихся данных относительно вокалического устройства русского языка к форме модели (т.е. определение основных элементов – гласных фонем, и характера связей между ними), построение модели вокализма казахского языка и сравнение полученных данных между собой. С этой целью были применены дистрибутивный, семантический методы, а также структурно-сопоставительный анализ.

Фонологическая модель вокализма русского языка. Система вокализма русского языка характеризуется позиционной зависимостью гласных от согласных: мягкость или твердость согласного зачастую определяют рядность гласного. Как определил Трубецкой, «в русском языке более переднее или более заднее положение языка при реализации гласной фонемы обусловлено звуковым окружением» [15, С. 113]. Например, [i] встречается лишь после твердых согласных [5, С. 16]. Другой важной особенностью вокализма русского языка является ее двухуровневость: 1) положение в ударном слоге; 2) положение в неударном слоге, при этом важно учитывать положение в отношении определенных согласных [15, С. 121; 5, С. 51]. Абсолютно сильной является позиция в ударном слоге, в которой определяются реализации всех гласных фонем русского языка.

Не утихает спор вокруг вопроса о составе фонологической системы вокализма русского языка. Такие исследователи, как Трубецкой и Виноградов считали, что гласные русского языка образуют систему из пяти фонем [2, С. 89; 5, С. 57], а именно: /a/, /o/, /e/, /u/ и /i/. Согласно их представлениям, [i] является «вариантом русского фонемы /i/ после твердых согласных» [5, С. 16]. В наши дни не все исследователи разделяют эту точку зрения. Попов на основании того, 1) что «носитель русского языка способен непринужденно произнести слово с начальным [i]» [7, С. 94], 2) что «в русском языке существует возможность переноса одной из фонем /i/ и /i/ в позицию другой по аналогии (например, иногда встречается произношение [ырка] 'Ирка', [у-ырк'и] 'у Ирки' вместо нормативного [ирка], [у-ирк'и] вследствие морфонологической индукции форм [с-ыркай] 'с Ирккой', [к-ырк'и] 'к Ирке', а также форм, возникающих после конечного твердого согласного предшествующего слова [брат ырк'и] 'брат Ирки)', в то время как оттенки фонем не способны к перенесению "по аналогии"» [7, С. 95], а также того, 3) что «согласно четвертому правилу Трубецкого», которое гласит: «Два звука, во всем удовлетворяющие условиям третьего правила, нельзя, тем не менее, считать вариантами одной фонемы, если они в данном языке могут следовать друг за другом как члены

звукосочетания, притом в таком положении, в каком может встречаться один из этих звуков без сопровождения другого» [15, С. 57], – [ы] и [и] нельзя считать вариантами одной и той же фонемы, поскольку в русском языке они могут следовать друг за другом и – встречаться в этом положении без сопровождения друг друга: ср. [ты игар'] 'Ты Игорь?', [выискат'] 'выискать', [выигрывают'] 'выигрывать' и т.п.» [7, С. 96], делает вывод о фонологической самостоятельности /i/.

С учетом убедительных доводов, приведенных Поповым, в данной работе состав гласных фонем русского языка определен следующим образом: /a/, /o/, /e/, /u/ /i/ и /i/. Смыслоразличительной функцией для звуковых реализаций данных фонем обладают следующие корреляции, а именно: 1) «компактность – диффузность»; 2) «лабиализованность – нелабиализованность» и 3) «низкие – высокие» [5, С. 52]. Корреляция гласных по ряду является фонологически несущественной [15, С. 113]. Чтобы иметь возможность проводить дальнейшее сравнение с системой вокализма казахского языка, ниже приведена краткая характеристика каждого из этих признаков.

1.1. «Компактный – один из резонансных признаков звуков речи, определяемый более высокой степенью концентрации произносительной энергии в сравнительно узкой (центральной) области спектра и выражающийся в увеличении различия между объемом резонаторов впереди и позади точки максимального сужения» [16, С. 201]. Этот признак характерен для так называемых открытых гласных, то есть таких гласных, «при произнесении которых (в пределах одного акустического типа) высшая точка поднятой части языка находится (несколько) ниже, чем при произнесении закрытых гласных» [16, С. 299].

В системе универсальных двоичных противопоставлений этому признаку противопоставлен признак «диффузный», который определяется «меньшей концентрацией произносительной энергии в сравнительно узкой (центральной) области спектра и выражается в уменьшении различия между объемами резонаторов впереди и позади точки максимального сужения» [16, С. 139]. Соответственно этот признак присущ так называемым закрытым гласным, то есть таким гласным, «при произнесении которых высшая точка поднятой части языка находится несколько выше, чем при произнесении соответствующих открытых гласных» [16, С. 152]. Согласно данным характеристикам, в русском языке звуковые типы [a], [o], [e] определяются как компактные, [u], [i], [i] – как диффузные. Примеры реализации данной корреляции в лексике:

[o] – [u]	[a] – [i]	[e] – [i]
гроздь [grɔst'] – грусть [grust'], стол [stol] – стыл [stul]	рак [rak] – рык [rik], так [tak] – тык [tik],	лес [l'es] – лис [l'is], мер [m'e] – мур [m'ir],
[a] – [u]	[a] – [i]	[o] – [i]
дам [dam] – дым [dum], самка [samka] – сумка [sumka],	лясы [l'as] – лисы [l'is], ля (чата) [l'a] – ли (чаты) [l'i]	мёл [m'o] – мил [m'il], сёл [s'o] – сил [s'il],
[o] – [i]	[e] – [u]	[e] – [i]
пол [pol] – пыл [pil], дом [dom] – дым [dum],	ела [j'ela] – юла [j'ula], мер [mer] – мур [mur],	ТЭК [tek] – тык [tik], нэр [per] – нур [pur].

Как установил Виноградов, первые три коррелирующие пары, а именно: [o] – [u], [a] – [i] и [e] – [i] – представляют минимальное различие (по признаку «компактность – диффузность»); звуковые реализации в других парах коррелируют друг с другом не только по указанному признаку, но и по другим, описанным ниже [5, С. 53-55].

1.2. Следующее противопоставление, характерное для гласных русского языка, это «лабиализованность – нелабиализованность». «Лабиализованный – артикулируемый таким образом, при котором губы вытягиваются вперед и принимают форму округлого отверстия» [16, С. 213]. В русском языке к лабиализованным звуковым типам относятся [o], [u], а к нелабиализованным – [a], [e], [i], [i]. В качестве примера реализации данного противопоставления в лексике можно привести следующие

пары слов:

[o] – [a]	[o] – [e]	[o] – [i]
нос [nos] – нас [nas], рот [rot] – рад [rat],	мёл [m'ol] – мел [m'el], сел [s'ol] – сел [s'el],	мёл [m'ol] – мил [m'il], сел [s'ol] – сил [s'il],
[u] – [i]	[u] – [a]	[u] – [e]
ток [tok] – тык [tuk], вонь [von] – вынь [vin'],	чудо [č'udə] – чадо [č'adə], дума [duma] – дама [dama],	тук [tuk] – тук [tek], мур [mur] – мэр [mer],
[u] – [i]	[u] – [i]	
люк [l'uk] – лик [l'ik], тюк [t'uk] – тик [t'ik],	рук [ruk] – рык [rik], дум [dum] – дым [dim],	

Результаты исследований, проведенных Виноградовым, показали, что минимальное различие по признаку «лабиализованность – нелабиализованность» представляет лишь пара [o] – [a], остальные пары различаются более чем по одному признаку [5, С. 54]. Однако в процессе этих исследований не учитывалось наличие фонемы /ɪ/, при учете которой становится ясным, что этот признак имеет решающее значение и для пары [u] – [i], которая не имеет корреляций по другим признакам.

1.3. Последний признак, выполняющий смысловозначительную функцию в рамках фонологической системы вокализма русского языка, это признак «низкие – высокие». «Низкий гласный – это гласный, артикулируемый с поднятой задней и опущенной передней частью языка» [16, С. 269]. «Высокий гласный – гласный, произносимый с поднятой передней и опущенной задней частью языка» [16, С. 94]. В русском языке к низким относятся [a], [o], [u], [ɪ], а к высоким – [e], [i]. В соответствии с данной корреляцией образуются нижеприведенные пары противопоставлений:

[e] – [a]	[e] – [o]	[e] – [u]
меч [m'eč] – мяч [m'ač], резко [r'eška] – раска [r'aska],	Лен [l'en] – лён [l'on], еиш [j'eš] – ёж [j'oš],	ель [j'el'] – Юль [j'ul'], ЖЭК [žek] – жук [žuk],
[e] – [i]	[i] – [a]	[i] – [o]
МЭС [mes] – мыс [mis], нэр [per] – тыр [pir],	лик [l'ik] – ляг [l'ak], виш [v'iš] – вял [v'aš],	вил [v'il] – ёёл [v'oš], риф [r'if] – рёс [r'oš],
[i] – [u]	[i] – [i]	
тис [t'is] – тюз [t'us], люк [l'uk] – лик [l'ik],	Ик [ik] – Ык [ik], икать [ikət'] – ыкать [ikət']	

1.4. Как видно из приведенных выше примеров, пары [i] – [o] и [e] – [u] коррелируют по всем трем признакам; для пар [a] – [u], [a] – [i], [o] – [i], [e] – [i], [e] – [o] и [i] – [u] характерно противопоставление по двум из трех смысловозначительных признаков, при этом для [a] – [u] основным все-таки является тембровый признак (по степени лабиализованности); для пар [a] – [i], [o] – [u] и [e] – [i] основным смысловозначительным признаком является соотношение переднего и заднего ротовых резонаторов, для пар [o] – [a] и [u] – [i] – положение губ, для [e] – [a] и [i] – [i] – форма языка во время произношения. Следуя традиции Трубецкого, фонологическая модель вокализма русского языка может быть изображена так, как показано на рисунке 1.

На рисунке 1 стрелками обозначены минимальные противопоставления между реализациями указанных фонем. Схема построена в соответствии с характеристиками реализации в речи фонемы /a/, как максимально открытого звукового типа в русском языке, а /u/ и /i/ – как максимально закрытых [5, С. 53], при этом учтена особенность реализаций в речи /u/ и /i/, заключающаяся в наилучшей различимости среди всех гласных фонем русского языка, что было установлено экспериментально [5, С. 55].

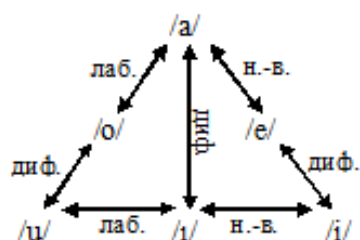

Рисунок 1 - Фонологическая модель гласных русского языка

Данная схема выявила ряд интересных закономерностей: 1) система гласных фонем русского языка имеет двухступенчатый характер; 2) связи между реализациями фонем на первой и второй ступени (свеху-вниз) выстраиваются по признаку лабиализованности или «низкий-высокий»; 3) связи с реализациями фонем третьей ступени выстраиваются по признаку диффузности; 4) реализации фонем, занимающих место в левой части треугольника, связаны между собой общей характеристикой лабиализованности, по которой и противопоставлены реализациям фонем в правой его части; 4) если для реализаций фонем, указанных слева на схеме, существенное значение имеет признак «лабиализации», то для реализаций фонем, расположенных справа на схеме, – признак «низкий-высокий».

Фонологическая модель вокализма казахского языка. Для фонологической системы вокализма казахского языка характерно доминантное положение гласных, относительно рядности которых определяется мягкость и твердость согласных. Так, аллофоны [q] и [ɣ] не встречаются перед переднерядными гласными, а [k] и [g] – перед заднерядными. Другой особенностью этой системы является ее двухуровневость: 1) позиция гласных в первом слоге слова; 2) позиция гласных во всех остальных слогах. Абсолютно сильной позицией для выявления всех фонем в казахском языке является анлаут слова.

Что касается ударения, то «экспериментальные данные показывают, что в казахском языке главное словесное ударение состоит из таких физических компонентов, как высота основного тона и длительность. В образовании ударения интенсивность не имеет фонологического значения» [17, С. 189]. На основании чего А. Джунисбеков сделал вывод о том, что применительно к казахскому языку «следует говорить не о словесном ударении, а о фразовой, ритмико-синтагматической, логико-экспрессивной выделенности того или иного слога в слове... /.../ ... в казахском языке нет словесного ударения, которое служило бы как фонологическая метка словоопознавания и словоразличения» [18, С. 85].

Фонемный состав вокализма казахского языка зачастую не вызывает споров у исследователей и определяется ими одинаково, начиная со второй половины XIX в., когда начались исследования современного казахского языка, которые хотя и носили фонетический характер, имели отношение именно к фонологической системе казахского языка [8]. Вызывала сомнение фонема /ä/, которую Н.И. Ильминский обозначил как акустическую разновидность реализации /a/ [10, С. 6]. Однако в рамках современных исследований признается фонологическая самостоятельность этой фонемы [14, С. 24]. Состав казахских фонем определяется следующим образом: /a/, /ä/, /e/, /ɪ/, /i/, /o/, /ö/, /u/, /ü/. С фонологической точки зрения они коррелируют между собой по таким признакам, как: 1) «переднерядные – заднерядные»; 2) «компактность – диффузность»; 3) «лабиализованность – нелабиализованность» и 4) «низкие – высокие».

2.1. «Ряд – та зона ротового резонатора, где происходит поднятие соответствующей части языка при произнесении данного гласного, чем обуславливается более или менее переднее или заднее его образование» [16, С. 393]. Согласно акустическим характеристикам Джунисбеков разделил гласные казахского языка на: 1) гласные переднего ряда [e]; 2) центрального ряда [ä], [ö], [i], [ü]; 3) смешанного ряда [ɪ]; заднего ряда [a], [o], [u] [14, С. 90]. Однако с фонологической точки зрения происходит корреляция гласных переднего и центрального рядов с гласными смешанного и заднего рядов, поэтому условно группу, в которую входят гласные переднего и центрального рядов, можем назвать «переднерядные», а группу, в которую входят гласные смешанного и заднего рядов, – «заднерядные». Примеры реализации данной корреляции в лексике приведены ниже. Как отмечает М. Джусупов, «в русском языке, кроме таких монотембральных слогов, как *сель*, *тюль* и *мать*, есть большее

количество политембральных слогов, в просодии которых сочетаются мягкие и твердые, твердые и мягкие тембры: *мать, гусь, люк, кит*. Политембральные слоги в казахском языке отсутствуют» [19, С. 15]. На основании данного заключения мы сделали вывод об отсутствии необходимости отмечать «мягкость» или «твердость» согласного в транскрипции казахского слова.

[e] – [i] кел [kel] – кыл [qil] (поподили) – (волосы), жел [žel] – жыл [žal] (ветер) – (год), [ä] – [i] ам [äm] – ым [im] (и) – (жест), мән [män] – мын [tin] (тело) – (дыхание),	[e] – [ä] кел [kel] – қал [qal] (поподили) – (останься), жел [žel] – желал [žal] (ветер) – (грива), [ä] – [a] қан [kän] – қан [qan] (печь) – (кровь), мән [män] – мән [nan] (огромный) – (хлеб),	[e] – [o] кел [kel] – қол [qol] (поподили) – (рука), жел [žel] – жол [žol] (ветер) – (дорога), [ä] – [o] тән [tän] – тән [ton] (тело) – (полнущубок), кән [kän] – қон [qon] (печь) – (приземляйся),	[e] – [u] кел [kel] – құл [qul] (поподили) – (раб), жел [žel] – жұл [žul] (ветер) – (ветер), [ä] – [u] қыл [qil] – қол [qol] (волосы) – (рука), жыл [žil] – жол [žol] (год) – (путь),
[ö] – [i] өк [ök] – ыл [il] (лицо) – (поправилась), өк [ök] – ыл [il] (лицо) – (поправилась), [i] – [i] мін [min] – мын [tin] (стоп) – (дыхание), кит [kil] – кыл [qil] (все) – (волосы), [ü] – [i] үс [üs] – ыс [is] (помогать) – (копоть), мүн [mün] – мын [tin] (ночь) – (дыхание),	[ö] – [a] өк [ök] – ақ [aq] (лицо) – (зверь), [a] – [a] тәк [täk] – тәк [taq] (россып) – (перестол), [i] – [a] дәк [däk] – дәк [daq] (точно) – (пятно), кит [kil] – қал [qal] (все) – (останься), [ü] – [a] үс [üs] – ас [as] (помогать) – (пища), күт [küt] – қат [qat] (зола) – (останься),	[ö] – [o] төк [tök] – тоқ [toq] (россып) – (сытый), өк [ök] – оқ [oq] (лицо) – (правый), [i] – [o] кит [kil] – қол [qol] (точно) – (рука), мін [min] – тән [ton] (стоп) – (полнущубок), [ü] – [o] күт [küt] – қол [qol] (голова) – (рука), мүк [mük] – тоқ [toq] (шестина) – (сытый),	[ö] – [u] төк [tök] – тұқ [tuq] (россып) – (поправилась), көк [kök] – құл [qul] (лицо) – (раб), [i] – [u] кит [kil] – құл [qul] (все) – (раб), жәк [žäk] – жұк [žuk] (нитка) – (четный), кит [kil] – құл [qul] (все) – (раб),

2.2. По признаку «компактность – диффузность» гласные казахского языка делятся на: 1) компактные – [a], [o], [ä], [ö], [e], [i]; 2) диффузные – [i], [u], [i], [ü]. Примеры реализации данной корреляции в лексике:

[a] – [i] таң [taŋ] – таң [tin] (рассвет) – (бодрый), маң [maŋ] – маң [tin] (окрестность) – (тысяча), [o] – [i] қол [qol] – қыл [qil] (рука) – (шестина), соқ [soq] – сұқ [suq] (отдельный) – (выжми),	[a] – [u] ат [at] – ұл [ul] (беры) – (сын), мат [mat] – мат [tu] (ива) – (молекула), [o] – [u] ол [ol] – ұл [ul] (он/она/оно) – (сын), соқ [soq] – сұқ [suq] (отдельный) – (сглаз),	[a] – [i] дәл [dal] – діл [dil] (распространенность) – (менталитет), қал [qal] – қал [kil] (останься) – (все), [o] – [i] ол [ol] – діл [dil] (он/она/оно) – (повесть), тоқ [toq] – тік [tik] (сытый) – (прямой),	[a] – [ü] маң [maŋ] – маң [tük] (престол) – (пушок), жәк [žäk] – жұк [žik] (шека) – (грусть), [o] – [ü] тор [tor] – түр [tör] (клетка) – (вил), қол [qol] – қул [qul] (пах) – (рабыня),
[ä] – [i] сән [säŋ] – сән [sin] (прослава) – (испытание), кәп [käp] – қар [qar] (гнев) – (возгорье), [ö] – [i] өс [ös] – ыс [is] (осы) – (дым), төс [tös] – төс [tis] (грудь) – (верх), [e] – [i] мәс [mes] – мәс [mis] (топты) – (медь), кәп [käp] – қар [qar] (гнев) – (возгорье),	[ä] – [u] мән [män] – мүн [tin] (тело) – (прозрачный), ән [än] – ұн [un] (опаска) – (мука), [ö] – [u] жәт [žät] – жұт [žut] (хмель) – (морская), төр [tör] – түр [tur] (почетное место) – (стой), [e] – [u] кәт [kät] – құт [qut] (уйди) – (благо), кән [kän] – қун [qun] (руда) – (стоимость),	[ä] – [i] ән [än] – ін [in] (песня) – (нора), нәр [när] – нәр [nir] (опаска) – (святой), [ö] – [i] кәл [käl] – қал [kil] (озеро) – (все), мөр [mör] – мөр [mir] (печать) – (жизненный), [e] – [i] мән [men] – мән [min] (я) – (недостаток), кәл [käl] – қал [kil] (поподили) – (все),	[ä] – [ü] ән [än] – ұн [un] (песня) – (нора), кән [kän] – қун [qun] (печать) – (день), [ö] – [ü] жәк [žäk] – жұк [žik] (совет) – (шерсть), кән [kän] – қун [qun] (кожа) – (день), [e] – [ü] кәл [käl] – құл [qul] (приди) – (зола), шәр [šär] – шәр [šir] (печаль) – (мечта).

2.3. По признаку лабиализованности гласные казахского языка делятся на 1) лабиализованные – [o], [ö], [u], [ü] и 2) нелабиализованные – [a], [ä], [e], [i], [i]. Ниже приведены примеры данной корреляции в лексике:

[o] – [a] қор [qor] – қар [qar] (богатство) – (снег), тор [tor] – тар [tar] (клетка) – (узкий), [o] – [i] соз [soz] – сіз [siz] (гонимый) – (мы), боз [boz] – біз [biz] (свежий) – (мы),	[o] – [ä] қор [qor] – қар [kär] (богатство) – (гнев), тон [ton] – тән [tän] (полнущубок) – (тело), [ö] – [a] кәл [käl] – қал [qal] (озеро) – (останься), өл [öl] – ал [al] (умри) – (возьми),	[o] – [e] тор [tor] – тер [ter] (клетка) – (пот), шоқ [šoq] – шек [šek] (угли) – (граница), [ö] – [a] өл [öl] – ал [al] (умри) – (сила), сөл [söl] – сәл [sä] (сок) – (немного),	[o] – [i] тор [tor] – түр [tur] (клетка) – (проживание), там [tam] – там [tin] (перенос) – (череп), [ö] – [e] шәк [šäk] – шәк [šer] (правда) – (преграда), жәк [žäk] – жұк [žuk] (порода верблюда) – (рука),
[ö] – [i] сәк [säk] – сәк [suk] (сок) – (выжми), кәк [käk] – қал [qal] (навоз) – (бок), [u] – [i] қун [qun] – қан [kan] (стоимость) – (руда), қур [qur] – қар [kar] (тегер) – (гнев), [ü] – [ä] қун [kün] – қан [kän] (день) – (печь), мүн [mün] – мын [tin] (ночь) – (тело),	[ö] – [i] өл [öl] – ал [il] (умри) – (повесть), шәк [šäk] – шәк [šil] (пустыня) – (рыбчик), [u] – [i] мәт [mat] – мәт [mit] (беспокойный) – (уши), сүр [sur] – сүр [sir] (серый) – (секрет), [ü] – [e] мүр [mür] – мөр [mör] (мечта) – (печаль), мүр [mür] – мөр [mör] (вил) – (пот),	[u] – [a] мүр [mur] – мәр [mar] (стой) – (узкий), құл [qul] – қал [qal] (раб) – (останься), [ü] – [i] құс [qus] – қис [kis] (птица) – (горькая), мүл [mül] – нил [nil] (денеги) – (слон), [ü] – [i] сүт [süt] – сүт [sit] (молоко) – (дави), қун [kün] – қун [qun] (день) – (ножны),	[u] – [ä] мүн [min] – мән [män] (прозрачный) – (нора), ән [än] – ұн [un] (песня) – (мука), [ü] – [a] жүз [žüz] – жүз [žaz] (лицо) – (лето), мүз [müz] – мөз [maz] (степень) – (прозрачный), [ü] – [i] мүз [müz] – мөз [miz] (степень) – (колено), мүз [müz] – мөз [mis] (сон) – (зуб).

2.4. В казахском языке низкими гласными являются [a], [ä], [o], [ö], [u], [ü], а высокими – [e], [i], [i]. Примеры

проявления данной корреляции в лексике следующие:

[e] – [a] кел [kel] – қал [qal] (поподили) – (останься), бер [ber] – бар [bar] (дай) – (ест), [e] – [u] кәт [kät] – құт [qut] (уйди) – (благо), бет [bet] – бүт [but] (лицо) – (бедро), [i] – [u] қыл [qil] – қол [qol] (волосы) – (рука), жыл [žil] – жол [žol] (год) – (путь),	[e] – [ä] мән [män] – мән [män] (я) – (смысл), шек [šek] – шәк [šäk] (препятствие) – (сомнение), [e] – [u] кәт [kät] – құт [küt] (уйди) – (жизнь), жәз [žaz] – жүз [žüz] (латунь) – (сто), [i] – [u] сын [sin] – сән [sän] (испытание) – (погаси), дың [din] – дөң [dön] (столб) – (холм),	[e] – [o] кәл [käl] – қол [qol] (приди) – (рука), сәк [säk] – сәк [sok] (лыдины) – (концы), [i] – [a] мың [mün] – маң [maŋ] (тысяча) – (около), сын [sin] – сән [sän] (испытание) – (число), [i] – [u] қын [qin] – құн [qun] (испытание) – (погаси), тын [tin] – түн [tun] (вдох) – (чистый),	[e] – [ö] кәл [käl] – көл [kö] (приди) – (озеро), лөк [lek] – лөк [lök] (топа) – (одиночный), [i] – [ä] сын [sin] – сән [sä] (дави) – (удача), кәп [käp] – қар [kar] (гнев) – (гнев), [i] – [ü] мәс [mes] – мәс [müs] (верх) – (полдень), жын [žin] – жүн [žün] (бес) – (шерсть),
[i] – [a] кит [kim] – қам [qam] (кто) – (грустный), тис [tis] – тас [tas] (зуб) – (камень), [i] – [u] жәк [žäk] – жұк [žuk] (нитка) – (четный), кит [kil] – құл [qul] (все) – (раб),	[i] – [ä] дін [din] – дән [dän] (религия) – (зерно), мін [min] – мән [män] (зуб) – (тело), [i] – [ü] жәк [žäk] – жұк [žik] (стык) – (грусть), мін [min] – мүн [mün] (столб) – (ночь).	[i] – [o] біз [biz] – боз [boz] (мы) – (светлый), кис [kis] – қис [qos] (горностай) – (пара),	[i] – [ö] мис [mis] – мөс [mös] (язык) – (приплод), кис [kil] – көл [kö] (все) – (озеро),

2.5. Таким образом, пары [e] – [u], [ö] – [i] и [o] – [i] коррелируют по всем четырем смысловозначительным признакам. Признак рядности является единственным смысловозначительным признаком для пар [ä] – [a], [ö] – [o], [i] – [i] и [ü] – [u]; признак «компактность – диффузность» – единственный смысловозначительный признак для пар [o] – [u], [ö] – [ü], [e] – [i]; признак лабиализованности – для пар [o] – [a] и [ö] – [ä]; по единственному признаку «низкий – высокий» коррелируют [e] и [ä]. Остальные пары коррелируют по двум и трем признакам. Схематически систему гласных фонем казахского языка можно представить так, как показано на рисунке 2.

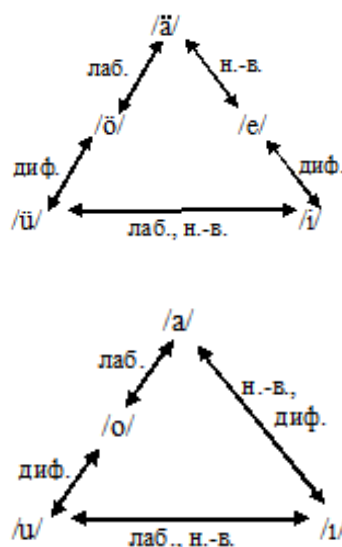

Рисунок 2 – Фонологическая модель гласных казахского языка

Короткими стрелками на схеме обозначены минимальные корреляционные связи (т.е. только по одному признаку) между реализациями указанных фонем. Реализации фонем /ü/ и /i/, /u/ и /i/, а также /a/ и /i/ коррелируют между собой не по одному, а по двум смысловозначительным признакам, что также указано на схеме при помощи удлиненных стрелок, а также записи признаков через запятую. Как видно, система казахского вокализма с фонологической точки зрения носит, во-первых, двухклассовый, а во-вторых, двухступенчатый характер. Двухклассовость системы проявляется в ее разделении на гласные переднего и заднего ряда (на схеме это отображено двумя треугольниками). Это первоочередной смысловозначительный признак фонем казахского языка, поскольку именно он определяет реа-

лизации гласных фонем доминантными по отношению к реализациям согласных фонем в казахском языке.

Двухступенчатость носит тот же характер, что и в системе гласных фонем русского языка: связи между реализациями фонем первой и второй ступени (сверху-вниз) выстраиваются по признаку лабиализованности или «низкий – высокий»; реализации фонем на третьей ступени коррелируют с реализациями фонем высших ступеней по признаку диффузности. Кроме того, реализации фонем, расположенных в левой части двух треугольников, обладают общим признаком лабиализованности, чем и противопоставлены правосторонним реализациям фонем.

Выводы. Анализ фонологических систем вокализма казахского и русского языков показал, что, несмотря на то, что русский и казахский языки с грамматической точки зрения принципиально различны, поскольку русский – это индо-европейский, казахский же – тюркский язык, характерные особенности моделей гласных фонем в том и другом языке носят схожий характер. Как и в русском языке, в казахском языке существует позиция, в которой реализуются все гласные фонемы языка: в русском языке это позиция под ударением, а в казахском – анлаут слова. К основным отличиям систем гласных фонем в том и другом языках относится доминантное положение гласных по отношению к согласным в казахском языке, чем обусловлена двухклассовость казахской фонологической модели, а также увеличенное количество гласных фонем в сравнении с русским языком. Именно благодаря доминантному положению гласных в казахском языке возможно построение цепей словоформ, отличающихся между собой лишь одной фонемой; как например: *кәл* [käl] ‘плешивый’ – *қал* [qal] ‘останься’ – *кел* [kel] ‘приди’ – *кіл* [kil] ‘все’ – *қыл* [qıl] ‘волосы’ – *қол* [qol] ‘рука’ – *көл* [köl] ‘озеро’ – *құл* [qul] ‘раб’ – *күл* [kü] ‘зола’. В русском языке количество элементов в подобных цепях может доходить лишь до двух, что обусловлено доминантным положением согласных, например: *угол* [ügəl] – *уголь* [ügəl’].

Минимальные коррелятивные связи между реализациями фонем в каждом из классов фонем казахского языка (класс переднерядных и класс заднерядных фонем), а также между реализациями фонем русского языка носят схожий характер: например, пара [a] – [o] в русском языке имеет тот же коррелятивный признак, что и пары [a] – [o] и [ä] – [ö] в казахском языке и т.д. (см.: рисунок 1, 2). В результате анализа минимальных коррелятивных связей между реализациями гласных фонем русского и казахского языка установлено, что связи между элементами (которые представлены фонемами) фонологической модели гласных в казахском языке зачастую имеют тот же характер, что и связи в фонологической системе гласных русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Щерба Л.В. Русские гласные в количественном и качественном отношении. – Л.: Наука, 1983. (Первая публикация: 1912.)
2. Трубецкой Н.С. Морфофонологическая система русского языка / Пер. с нем. Н.А. Васильевой и А.А. Королева, прим. В.В. Иванова // Избранные труды по филологии / Н.С. Трубецкой, [сост. В.А. Виноградов и В.П. Нерознак, под ред. Т.В. Гамкрелидзе и др.]. – М.: «Прогресс», 1987. С. 67-142. (Первая публикация: 1934.)
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение. 5-е изд., уточ. / Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. (Первая публикация: 1967.)
4. Панов М.В. Русская фонетика. – М.: «Просвещение», 1967.
5. Виноградов В.А. Консонантизм и вокализм русского языка (Практическая фонология). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1971.
6. Григорьян Е.Л. Русская фонетическая транскрипция: Фонетика (Учебно-методическое пособие для студентов I курса отделения романо-германской филологии). – Ростов-на-Дону: Ростовский гос. ун-т, 2001.
7. Попов М.Б. Фонологические проблемы русского языка (Синхронический и диахронический аспекты): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01: утв. 16.12.2005 / Попов Михаил Борисович. – СПб, 2004.
8. Аврутина А.С. О стихийной фонологии в отечественном тюркском языкознании // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – №4. – 2015. – С. 3-16.
9. Гузев В.Г. Опыт разработки теоретических основ описания тюркского функционального синтаксиса // Востоковедение:

Филологические исследования. Вып. 27: Сб. статей / Отв. ред. В.Г. Гузев. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. – 2006. – С. 40-63.

10. Ильминский Н.И. Материалы к изучению киргизского наречия. – Казань, 1861.

11. Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка (Часть I: фонетика и этимология). – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894.

12. Катаринский В.В. Грамматика киргизского языка (Фонетика, этимология и синтаксис). – Оренбург: Тургайская областная типография, 1906.

13. Кенесбаев С.К. О фонетической системе современного казахского языка // Исследования по казахскому языкознанию = Қазақ тіл білімі туралы зерттеулер / С.К. Кенесбаев. – Алма-Ата: Наука, 1987. (Первая публикация: 1962.)

14. Джунисбеков А. Гласные казахского языка (Экспериментально-фонетическое исследование) / Отв. ред. Ж.А. Аралбаев. – Алма-Ата: Наука, 1972.

15. Трубецкой Н.С. Основы фонологии. / Пер. с нем. А.А. Холодовича. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

16. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

17. Есентемирова А.А. О фонетической природе казахского словесного ударения // Вопросы казахской фонетики и фонологии / Отв. ред. Ж.А. Аралбаев. – Алма-Ата: Наука, 1979. С. 183-189.

18. Джунисбеков А. Просодика слова в казахском языке / Отв. ред. Т.Т. Талипов. – Алма-Ата: Наука, 1987.

19. Джусупов М. Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению / Отв. ред. В.А. Редькин. – Ташкент: Изд-во «Фан», 1991.

Статья поступила в редакцию 31.05.2019

Статья принята к публикации 27.08.2019